

DOI 10.17150/978-5-7253-3040-3.43

УДК 94(47)+94(517)

ББК 63.3(2)612+63.3МОН

*Н. ХИШИГТ,**Л.В. КУРАС,**Б.Д. ЦЫБЕНОВ*

ОТ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К НАЧАЛУ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МОНГОЛИИ (1905–1918 ГГ.)*

В статье рассматривается эволюция политики Российской империи и ее преемницы Советской России в отношении Монголии, с периода обострения русско-японских отношений в начале XX в. и до первых внешнеполитических шагов страны Советов в 1917–1918 г. Авторы детально анализируют военно-разведывательную, дипломатическую и революционную составляющие российской политики в Монголии. Особое внимание уделено вопросу о вероятной встрече в 1917 г. монгольских представителей с революционерами Центросибири и Сибирского бюро ЦК РКП(б).

Ключевые слова: Российская империя, Советская Россия, Монголия, внешняя политика, революция, большевики, Центросибирь.

*N. KHISHIGT**L. V. KURAS**B. D. TSYBENOV*

FROM INTELLIGENCE TO THE BEGINNING OF REVOLUTIONARY COOPERATION: THE EVOLUTION OF RUSSIAN POLICY IN RESPECT OF MONGOLIA (1905–1918)

The article is devoted to the evolution of the policy of the Russian Empire and Soviet Russia on the issue of Mongolia. The period under study begins with the Russo-Japanese War at the beginning of the 20th century and ends with the attempts of Soviet Russia to establish relations with Mongolia in 1917–1918. The authors analyzed in detail the military-intelligence, diplomatic and revolutionary aspects of Russian politics in Mongolia. The article also examines the question of the probable meeting in 1917 of Mongolian representatives with the revolutionaries of the Central Executive Committee of Soviet power in Siberia and the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks).

Keywords: Russian Empire, Soviet Russia, Mongolia, foreign policy, revolution, Bolsheviks, Central Executive Committee of Soviet power in Siberia.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) — Министерства образования, культуры, науки и спорта (Монголия) (Мин ОКН) в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.)» № 19-59-44004.

В мировую историю XX век вошел как период грандиозных по масштабам революций и глобальных политических и социально-экономических потрясений. В то же время он стал судьбоносным временем для многих народов мира, использовавших различные возможности для обретения государственной независимости. Именно в начале XX в. стали претворяться на практике плоды радикальных теоретических взглядов второй половины XIX в. Одним из наиболее радикальных и действенных направлений был путь социальной революции. В 20-х гг. XX в. мечты о светлом будущем в виде идей социализма- коммунизма приблизились к своему воплощению в реальные дела. Особенно этими идеями была охвачена Европа.

После Октябрьской революции 1917 г. на территории бывшей Российской империи возникли советские социалистические государства. Самыми передовыми идеями того времени стали проекты социалистических и национальных революций, исследования путей государственной независимости и суверенитета. Страны Востока, по большей части еще не были охвачены новой революционной идеологией. Но все же Монголия была одной из тех стран, где народные массы включились в революционный процесс, желая освободиться от национального и колониального гнета.

Географическое положение Монголии неизменно побуждало ее делать выбор в пользу двух своих великих соседей — России или Китая. И ее судьба всецело зависела от изменений их внешней политики, их двусторонних взаимоотношений. И даже находясь в таких трудных условиях, Монголия пыталась воспользоваться меняющейся геополитической ситуацией, ожидая благоприятные условия и время.

С начала XX в. многие государства, несмотря на отдаленность и границы, стали проявлять интерес к Монголии, богатой природными ресурсами, скотом, сырьем. Это было обусловлено ослаблением Цинской империи и недостаточным контролем ситуации на национальных окраинах. Этот интерес неизбежно должен был привести к сосредоточению интересов России на монгольском вопросе. В свое время Российская империя привела в некое соответствие отношения с Цинами, было заключено несколько договоров о пограничных рубежах. И хотя до конца XIX в. Россия оставляла Монголию без надлежащего внимания, но в начале XX в. отношение к ней резко изменилось. С началом русско-японской войны в военно-стратегических целях были проведены мероприятия разведывательного характера. Об этих первых практических шагах известно из материалов современных российских исследований. Так, в разгар русско-японской войны российские военные, закупающие скот в Монголии, занимались также и сбором разведывательных данных. Например, в монографии М.Н. Алексеева фигурирует А.Г. Громов, занимавшийся сбором сведений в монгольских местностях [1, с. 179]. В апреле 1905 г., с це-

лю проведения глубокой разведки, в Монголию были направлены штабс-капитан Россов, переводчик монгольского языка при штабе Главнокомандующего студент Санкт-Петербургского Императорского университета В. Шангин под видом датского исследователя и переводчика [2, с. 192]. С 1906 г. разведывательная деятельность стала проводиться силами российских военных округов. Так, территория Западной Монголии становилась объектом изучения Омского военного округа. Несколько позже Иркутский военный округ приступил к изучению Халхи. В результате специальный агент Омского военного округа, казак, владеющий монгольским языком, собирал сведения в районе оз. Хубсугул; военные Иркутского военного округа для сбора сведений располагались в Верхнеудинске [Там же, с. 175-176]. Свидетельством особой важности сведений о соседнем регионе является то, что Монголия фигурирует в экзаменационных вопросах для военных, поступающих в Военную академию. Следует заметить, что большую информационно-аналитическую работу проводили российские консулы в Монголии, постоянно информируя о деятельности цинских наместников — амбаней, Богдо-гэгэна, давая оценку общей ситуации в Монголии [3, с. 106-117]. Так, из сведений генерального консула Российской империи в Урге Я.П. Шишмарева от 1910 г., можно понять причины и ход антикитайского выступления буддийских монахов в Урге в марте 1910 г., а также причины противостояния между Джеб-цзун-Дамба-хутухтой и амбанем Сань До [4, с. 210-213].

После русско-японской войны разведывательная деятельность была переведена на регулярную основу. В донесении российского Главного штаба от 1 января 1910 г. отмечалось, что начиная со времени войны на Дальнем Востоке, в Восточной Монголии, с целью проведения стратегической и военно-разведывательной деятельности, начал работу на постоянной основе коммерческий агент Китайско-Восточной железной дороги В.Ф. Ладыгин. В 1909–1914 гг. он возглавлял разведывательную организацию в Монголии под секретным номером «20». На его расходы ежегодно выделялось 4 тыс. руб. [2, с. 234-235, 488, 512].

Под прикрытием Русского географического общества направлялись в пределы Монголии исследовательские группы, во главе которых стояли офицеры Генштаба. Они оценивали стратегическое значение региона, военно-экономический потенциал, выясняли географические особенности Монголии, ее погодные условия; предварительно намечали пути сообщения на случай вероятной войны. Так, в 1906 г. группа под руководством полковника российского Главного штаба В.Ф. Новицкого более 5 месяцев работала в Восточной Монголии, выясняя условия вероятного военного похода из Кяхты в Ургу и далее в Калган. Военно-стратегическое положение Монголии, граничащей с Сибирью, изучалось капитаном В. Поповым. Все эти факты являются свидетельством особого стратегического значения Монголии для России. Это обстоятельство

было учтено в дальнейшем правительством Советской России в проведении политики в отношении Монголии [5, с. 140].

В то же время монголы, усвоившие тяжкие уроки гнета Цинского правления, не желали быть поглощенными новым агрессивным Китаем. У них не было другого выбора, кроме как последовать за Россией и с ее помощью защитить себя. Перед их глазами стояла реальная действительность, когда пастбища монголов Внутренней Монголии были превращены в китайские пашни. Настроения монголов того времени созвучны с взглядами знатока Китая и Монголии О. Латтимора, который писал: «Китайская колонизация станет для халха-монголов настоящим бедствием» [6, с. 17]. Реальная угроза монголам как нации исходила не с севера, а с юга, поэтому они были вынуждены обратиться к России. Аналогично ситуация складывалась и в 1920-е гг.

Синьхайская революция 1911 г. привела к крушению Цинскую империю и явилась предвестником монгольской национальной революции 1911 г. Революционные события в Китае послужили «спусковым крючком» к началу конкретной борьбы монголов за обретение государственной независимости. Ситуацией решила воспользоваться и Россия, в чьи планы входило смелое по меркам того времени мнение о создании буферного государства на территории Внешней Монголии. Тем более, что надежды на избавление от маньчжурского гнета высказывались монголами российским консулам, начиная с 60-х гг. XIX в. [3, с. 118]. Благодаря решительным действиям российского дипломата И.Я. Коростовца с использованием известного давления на монгольских правителей, российско-монгольские переговоры, начавшиеся в сентябре 1912 г., увенчались подписанием 3 ноября 1912 г. в Урге дружественного Соглашения о признании Россией автономной Монголии [7, с. 159]. На следующий день состоялось подписание еще одного документа — Протокола о торговле, который закреплял за русскими право беспошлинной торговли, свободы проживания и передвижения по всей территории Монголии [8, с. 218]. С этого времени российские купцы и торговцы стали беспрепятственно заниматься торговыми операциями в Монголии. Резкое сокращение русского экспорта было вызвано лишь началом Первой мировой войны; но в то же время увеличился импорт монгольских лошадей, скота, мяса и другого животноводческого сырья [9, с. 137].

После подписания соглашения 1912 г. в Монголию были направлены российские военные инструкторы, на которых была возложена задача создать монгольскую бригаду, Монгольскому правительству были выданы ссуды на организацию и вооружение монгольской армии [10, с. 33-38].

Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г., по которому Внешняя Монголия признавалась автономией Китайской Республики, не могло изменить наметившиеся тенденции в Монгольском правительстве и народе к продолжению борьбы за обретение полной независимости страны.

Послы и консулы Российской империи были смещены с постов после провозглашения Советской России и об этом были извещены государства, и в их числе Монголия. Однако Советская Россия не сумела установить отношения с правительством автономной Монголии. 25 ноября 1917 г. была осуществлена первая неудачная попытка установить дипломатические отношения между Советской Россией и автономной Монголией. В этот день Советское правительство отправило телеграмму в Российское консульство в Урге с требованием безоговорочного признания Советской власти [11, с. 180]. Несмотря на первую неудачу в деле установления двусторонних контактов, тем не менее, в январе 1918 г. около здания русского консульства в Урге собралось несколько сот русских, которые приветствовали установление новой власти в России и заявили о своем неподчинении царскому консулу и другим представителям старого режима [12, с. 26].

По мнению российского ученого, монголоведа С.Г. Лузянина, внешняя политика Советской России в отношении Монголии в изучаемый период имела два основных направления. Первое направление имело целью замену прежних российских консулов представителями новой советской власти и установление официальных отношений с правительством автономной Монголии. С этой целью Советская Россия в период с конца ноября 1917 г. до весны 1918 г. направила своих представителей Васильева, Зинкевича, Владимирского. Однако Монгольское правительство не пропустило их. По этому обстоятельству нарком иностранных дел Советской России Г.В. Чичерин направил 9 апреля 1918 г. телеграмму Монгольскому правительству, в которой выразил пожелание, чтобы оно не взаимодействовало с освобожденными от должностей старыми российскими представителями. В частности, он отмечал, что «любая поддержка их будет расцениваться как вмешательство во внутренние дела России» [13, с. 77]. Вместе с телеграммой было отправлено для ознакомления и обращение правительства Советской России к народам Востока.

Другим направлением было проведение подпольной революционной деятельности в Монголии по линии Центрального исполнительного комитета Советов Сибири (Центросибирь) и Сибирского бюро ЦК РКП(б). Подробные инструкции на этот счет были даны НКВД РСФСР. Так, в телеграмме Г.В. Чичерина, отправленной 28 февраля 1918 г. на имя председателя Центросибири, говорилось о необходимости проведения пропагандистской деятельности среди находящихся под гнетом монголов, их привлечении к деятельности Советской России. Затем, в апреле того же года Сибирское бюро ЦК РКП(б) издало инструкцию для пропагандистов большевистских взглядов, в которой отмечалось: «... Поддерживать традиционное (панмонгольское) движение, использовать противоречия между чиновниками, проводить пропаганду среди народа и чиновников и тем самым поднять авторитет советского прави-

тельства в Монголии» [13, с. 78]. Хотя и давались подробные указания, однако реальная деятельность не могла выйти за пределы русской колонии в монгольской столице [5, с. 141].

В этой ситуации Советская Россия наблюдала за состоянием монгольской политики из приграничных регионов, получала сведения из Информационного бюро, созданного в среде российских рабочих Урги, отправляла в Монголию некоторых своих представителей из учреждений, расположенных в Сибири. Так, в 1918 г. большевик Я.Д. Янсон и лидер бурятского национального движения Э.-Д. Ринчино встречались в приграничном городке Алтанбулак с местным чиновником Дугаржавом. В частности, Э. Д. Ринчино говорил о готовности новой России оказать помощь в деле борьбы монголов за обретение независимости [14, с. 387]. Однако под предлогом необходимости согласования с ургинскими властями, они были возвращены обратно, в российские пределы [15, с. 221]. По другим данным, член Центросибири Л.Д. Клейман-Муллер и переводчик Э.-Д. Ринчино в 1918 г. смогли приобрести оружие у Сэцэн-хана [16, с. 90]. Таким образом, можно предположить, что вышеуказанные лица выезжали в 1918 г. через Кяхту в Монголию.

Как отмечал известный общественно-политический деятель, революционер Б.З. Шумяцкий, монголы также ездили в Россию, интересовались положением нового государства. Так, в конце 1917 г. несколько человек прибыли из монгольского Маймачена в Иркутск. Они встречались с Б.З. Шумяцким и С. Лазо, представлявшими Центросибири и Сибирское бюро ЦК РКП(б). Монголы поднесли им красный хадак (ритуальный шелковый шарф, преподносимый в знак уважения, дружбы) и выразили надежду на помощь в указании путей и методов борьбы против иноземного гнета. Они также интересовались созданием революционных организаций, установлением контактов с партией Ленина [17, с. 87-88].

Подробных данных об этих монголах; о том, кем они были, не обнаружено. При этом, И.А. Сороковиков, основываясь на неподтвержденные разговорные сведения, предположил, что одним из них мог быть Сайн-нойон хан Намнансурэн. С ним монгольские исследователи не согласны, так как нет сведений о том, что Намнансурэн в указанный период выезжал в Иркутск.

С.Г. Лузянин, который ввел в научный оборот материалы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), также указывает, что в декабре 1917 г. руководители Центросибири С. Лазо и Б.З. Шумяцкий встречались с Сайн-нойон-ханом Намнансурэном в Маймачене. Встреча со стороны первых носила больше пропагандистский характер [13, с. 85].

Данное сведение привлекает внимание тем, что место встречи обозначено как Маймачен, а не Иркутск, что вероятно стоит близко к истине. Если обратиться к материалам, имеющим отношение к истории Центросибири, в центре внимания этой организации была заготовка

мяса в Монголии. И возможно, председатель Исполнительного комитета Центросибири Б.З. Шумяцкий и член Центросибири С. Лазо вместе выезжали в приграничный район и встречались с официальными лицами, представлявшими монгольскую сторону [18, с. 117]. Имеются данные, что Б.З. Шумяцкий, действительно, решал несколько вопросов, связанных с пограничными вопросами, а также заготовками мяса и поставками мяса для нужд фронта. И этот момент также несколько проясняет исследуемый вопрос.

И все же оставляя вопрос о Т. Намнансурэне открытым, обратимся к другим сведениям, о том, кто из официальных лиц Монголии мог встретиться с представителями Советской власти: «...когда Советы были заново учреждены в Троицкосавске, гун Дугаржав, назначенный монгольским чиновником Кяхты, был на приеме в советском Троицкосавске и высказал пожелание об укреплении давних взаимоотношений между двумя странами» [19, с. 94]. Действительно, кяхтинский консул В. Лавдовский сообщал, что 21 марта 1918 г. заместитель монгольского чиновника, гун Дугаржав ездил в советскую администрацию г. Троицкосавск, спрашивал о прежних консулах; узнав, что прежние консулы мешают Советам установить отношения с Монгольским правительством, пожелал обратиться всвое ведомство в Кяхте» [20, с. 25-27]. Исходя из этого, становится ясно, что некоторые представители власти в приграничных монгольских районах проявили дружелюбие по отношению к новым российским властям и не возражали против установления связей с ними. В то же время понятно, что этих ранних шагов и инициатив недостаточно для рассмотрения взаимодействия на уровне государственных отношений [5, с. 142]. И все же политика нового Советского государства оставалась во многом малопонятной для монгольских властей, поэтому временный разрыв официальных отношений между РСФСР и Монголией имел место быть вплоть до победы монгольской революции 1921 г. [21, с. 14]. Ситуация стала кардинально меняться в 1919 г., когда монгольская автономия была упразднена китайским милитаристом, генералом, японофилом Сюй Шучжэном. Монголия вступила в новую фазу своей политической жизни [22, с. 161].

Таким образом, политика Российской империи / Советской России в отношении Монголии в начале XX в. претерпела существенные изменения. Глубокая разведка Монголии, предпринятая Россией в годы русско-японской войны, сменилась явной дипломатической поддержкой страны, закрепленной в 1912 г. дружественным соглашением и торговым протоколом. Политика, направленная на создание в Монголии буферного государства, была взята на вооружение и Советской властью. Первые годы существования Советской России (1917–1918) не принесли ощутимых результатов в деле установления официальных отношений между странами. Тем не менее, как показывает наше изучение, были сделаны первые шаги в этом направлении.

Список использованной литературы и источников

1. Алексеев М. Н. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. Кн. I / М. Н. Алексеев. — Москва : Русская разведка, 1998. — 472 с.
2. Тайны русско-японской войны / сост. И. В. Деревянко. — Москва : Прогресс-академия, 1993. — 326 с.
3. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917) / А. А. Сизова. — Москва : Наука — Вост. лит., 2015. — 295 с.
4. Цыбенов Б. Д. Джебцзун-Дамба-хутухта и амбань Сань До: начало противостояния (из донесений генерального консула в Урге Я.П. Шишмарева в 1910 году) / Б. Д. Цыбенов, Л. В. Курас // Монголоведение (Монгол судлал). — 2020. — Т. 12. — № 2. — С. 203-215.
5. Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй) / Н. Хишигт. — Улаанбаатар : Бэмби сан, 2011. — 299 с.
6. Латтимор О. Нүүдэлчид ба хувьсгалчид / О. Латтимор. — Улаанбаатар : Соёмбо, 1994. — 145 с.
7. Базаров В. Б. Российская политика в отношении Монголии в начале XX в. / В. Б. Базаров // Власть. — 2017. — Т. 25, № 9. — С. 158-163.
8. Курас Л. В. 100 лет российско-монгольскому соглашению 1912 г. / Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2012. — № 2 (6). — С. 213-219.
9. Батунаев Э. В. Некоторые аспекты российско-монгольских торгово-экономических отношений в начале XX века / Э. В. Батунаев // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 132-139.
10. Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Сб. документов. В 2 ч. Ч. I / отв. ред. В. П. Козлов, С. Чулуун. — Москва : «Граница», 2019. — 360 с.
11. Курас Л. В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / Л. В. Курас / рук. проекта ; отв. ред. Б. В. Базаров / науч. ред. М. Н. Балдано. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2016. — 252 с.
12. Бат-Очир Л. Дамдины Сухэ-Батор. Биография / Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц. — Москва : Наука, 1971. — 135 с.
13. Лузянин С. Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. / С. Г. Лузянин. — Москва : Огни, 2003. — 320 с.
14. Курас Л. В. От «революции в колчаккии» до монгольской революции 1921 года / Л. В. Курас, Н. Хишигт, Б. Д. Цыбенов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2020. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. — С. 385-392.
15. Элбек-Доржи Ринчино о Монголии / сост. и редкол. : Базаров Б. В. и др. — Улан-Удэ : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 1998. — 255 с.
16. Кузьмин С. Л. Деятельность Сэцэн-хана Наваннэрэна до и после монгольской революции 1921 года / С. Л. Кузьмин // Восточный архив. — 2018. — № 2 (38). — С. 89-99.

17. Даш Д. Борис Захарович Шумяцкий / Д. Даш. — Улаанбаатар : Улсынхэвлэлийн газар, 1987. — 110 с.
18. Подвиг Центросибири, 1917–1918: сборник документов / сост. В. Т. Ага-лаков. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. — 477 с.
19. Ширэндэв Б. Монгол ардын хувьсгалын түүх (Залруулсан хоёрдахь удаагийн хэвлэл) / Б. Ширэндэв. — Улаанбаатар : ШУАХ, 1999. — 400 с.
20. История советско-монгольских отношений / сост. М. И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др. ; редкол. : Б. Г. Гафуров, Б. Ширендыб (гл. редакторы) и др. — Москва : Наука, 1981. — 352 с.
21. Хишигт Н. Великая российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов / Н. Хишигт // Сибирь в годы Великой российской революции», посвященной 100-летию революционных событий в России и периоду гражданской войны и иностранной интервенции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2017. — С. 14-23.
22. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма / А. В. Бурдуков. — Москва : Наука, 1969. — 418 с.

Информация об авторах

Норовсамбуу Хишигт — кандидат исторических наук, исполняющий обязанности директора Института истории и этнологии Монгольской академии наук. Монголия, 13330. г. Улаанбаатар, район Баянзүрх, Проспект мира 55, e-mail: khishigt_58@yahoo.com; n.khishigt09@gmail.com

Курас Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kuraslv@yandex.ru)

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» СО РАН, 670047, Улан-Удэ, e-mail: bazar75@mail.ru

Authors

Khishigt Norovsambuu — Ph.D. In History, Acting Director at Institute of History and Ethnography of Mongolian academy of sciences, e-mail: khishigt_58@yahoo.com

Leonid V. Kuras — Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research Scientist Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation, e-mail: kuraslv@yandex.ru

Bazar D. Tsybenov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, , e-mail: bazar75@mail.ru